

УДК 343.131

Н. В. Пьянкова

заместитель начальника

*Казанского линейного управления МВД России на транспорте —
начальник следственного отдела*

ФАКТОРЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

История отечественного уголовно-процессуального права в части регламентации ограничения процессуальной власти следователя показывает, что состав контролирующих субъектов и формы контроля издревле определяются небольшим набором исторически устойчивых факторов.

Первый фактор — это сама необходимость контроля процессуальной власти следователя, как, соответственно, неотъемлемого элемента формулы принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя. Как мы уже сказали выше, неограниченной процессуальной власти ни отечественное, ни зарубежное уголовное судопроизводство не признает ни за одним субъектом, ведущим уголовный процесс к цели. Безграничной процессуальной власти в уголовном процессе нет, как нет и единоличного субъекта ее реализации. Н. Н. Полянский приводит слова французского процессуалиста, жившего еще в XVIII веке, о том, что уголовно-судебные учреждения есть «совокупность властей и лиц» [1, с. 7]. Даже судебная власть как вершина процессуальной власти не может претендовать на абсолютное ее выражение через одного субъекта.

С этим принципиальным обстоятельством непосредственно увязан и второй фактор. Суть его заключается в том, что сама идея процессуального контроля предполагает обязательное наличие субъекта, в обязанности которого входит корректирующее воздействие на следователя. Без этого контролирующего субъекта идея процессуальной самостоятельности и независимости следователя не могла бы найти своего жизненного воплощения. В свою очередь принципиальная приемлемость (допустимость) данного воздействия на следователя (фактор подчинения) предусматривает и особое иерархическое положение контролирующего органа по отношению к следователю. Статусное положение органа контролера в системе власти-подчинения может обеспечиваться как ведомственной процессуально-властной иерархией, так и иерархией вневедомственной. Для реализации принципа это не имеет особого значения, поскольку сам феномен ведомственности исчезает в контексте общего восприятия процессуальной власти и взаимоотношения ее субъектов.

Таким образом, второй фактор мы можем обозначить как особое статусное положение контролирующего субъекта в системе органов судопроизводства. Именно статус, включающий соответствующие контрольные полномочия,

должен легитимировать право контроля одного субъекта и соответствующие этому праву ограничения в отношении другого (подконтрольного) субъекта.

С этими двумя факторами связан и фактор третий — непереносимое установление форм должностного контрреагирования подконтрольного субъекта на необоснованный и (или) нецелесообразный процессуальный контроль. Иными словами, формы возражения контролю и процессуальному руководству есть неотъемлемая часть уголовно-процессуальной формы реализации принципа независимости и самостоятельности следователя.

Исходя из указанных факторов, конкретизируются как формы процессуального контроля, так и присущие им ограничения процессуальной власти следователя. К настоящему времени исторически сложились следующие формы ограничения и контроля процессуальной власти следователя: судебный контроль, прокурорский надзор, ведомственный контроль. Из наименования названных форм контроля легко вывести и самих контролеров, наделенных правом тем или иным образом активно вмешиваться в деятельность следователя или же пассивно ограничивать ее через систему разрешительных процедур, — это суд, прокурор, административный и одновременно процессуальный начальник (руководитель следственного органа).

Первым в этом списке по праву находится прокурор. Прокурор попадает в систему контролирующих субъектов исходя из миссии, ради которой и замышлялась сама прокуратура. Прокурор есть живое воплощение идеи примата законности. Вместе с тем роль прокурора в уголовном процессе (и особенно на досудебном этапе) вовсе не ограничивается исключительно надзором за законностью. Исходя из задач, которые ставятся перед прокуратурой в области надзора за органами, осуществляющими предварительное расследование, прокурор обязан не только следить за соблюдением этими органами режима законности, но и обеспечивать особую энергетику и ритм расследования, стимулировать его эффективность.

Таким образом, процессуальный прокурорский контроль объединяет в себе особую технологию решения двуединой задачи по одновременному обеспечению законности и эффективности предварительного расследования.

И тот, казалось бы, очевидный факт, что современный следователь почти не соприкасается с прокурором (буфером выступает начальник следственного органа) ничего не меняет в концепции прокурорской миссии, поскольку контакт следственной и прокурорской власти в поле их «материнской» процессуальной власти осуществляется на неизменных принципах, существующих уже более ста лет.

В прежние времена обе эти формы ограничения процессуальной власти следователя, диктуемые потребностью законного и эффективного достижения

цели уголовного процесса, легко и единолично реализовывал прокурор. Однако Конституция Российской Федерации создала нормативные предпосылки для того, чтобы целый ряд вопросов, связанных с ограничением прав и свобод участников процесса, был передан из традиционного ведения прокуратуры и прокурорского надзора в исключительную компетенцию суда.

Именно поэтому прокурор в системе субъектов, обеспечивающих законную и эффективную реализацию процессуальной власти, всегда занимал ведущее и без преувеличения руководящее место. Это место образно выражено в формуле — «прокурор хозяин предварительного расследования». Данная формула временами меняет свою идеологическую окраску: она работает то в плюс, то в минус прокурору. Но при этом методологическая суть формулы от этого не меняется. Прокурор не только контролирует, но и по-хозяйски направляет предварительное расследование как явными, так и завуалированными методами.

Слово «хозяин» в данном случае подчеркивает не только полноту власти, но и полноту ответственности. И вряд ли справедливо будет утверждение, что современный прокурор «хозяйничает» только при производстве дознания. Просто здесь имеются лишь некоторые технологические особенности реализации прокурором своей процессуальной власти. Прокурорская власть и по отношению к следователю до сих пор велика. Изменилась лишь процедура реализации этой власти и формы противостояния ей со стороны следователя и руководителя следственного органа. Но сама суть и направленность этой власти не изменились.

Подчеркнем, что слово «хозяин» в данном контексте означает не произвол прокурора в средствах контроля, а в первую очередь хозяйскую ответственность и заботу о достижении цели уголовного судопроизводства и, в частности, о решении задач предварительного расследования. В этом и заключается суть процессуального контроля прокурора. Он нацелен не только на добросовестное соблюдение процедуры и на выполнение буквы закона, но и на эффективное достижение цели уголовного судопроизводства. Это в своем роде то, что можно назвать мобилизационным контролем.

Поэтому слово «хозяин» в отношении прокурора не подразумевает безграничной власти над объектом. Заметим, что таковой у прокурора нет даже в отношении должностных лиц, осуществляющих дознание. Ибо не только прокурор имеет полномочия ограничивать власть субъектов расследования, но и сами эти субъекты, наделенные в силу принципа процессуальной самостоятельности и независимости «правом на ропот», определенным образом ограничивают прокурорскую власть, не позволяя прокурору быть абсолютным хозяином предварительного расследования в любой его (расследования) форме.

Итак, первая важнейшая констатация: неотъемлемым субъектом ограничения принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя

выступает прокурор. Причем само слово «прокурор» здесь выступает скорее как обозначение функции, а не ведомственной принадлежности. Как мы уже определили, функция эта реализует идеи порядка (законности) и эффективности. У разных субъектов контроля пропорции этих направлений разные.

Как видим, начало реализации принципа процессуальной самостоятельности следователя и завершение этой реализации всегда предполагает присутствие прокурора. И между этими конечными точками появление прокурорского надзора также закономерно.

Но прокурорский надзор за следствием как благая идея и как практическое воплощение этой идеи далеко не одно и то же. Здесь жизнь приносит много шероховатостей.

Возможно, здесь находит отражение не противоречие в позиции автора, а сама противоречивость идеи всякого контроля в общем контексте принципа процессуальной независимости следователя.

Суть этого противоречия заключается в том, что, с одной стороны, этот контроль необходим, а, с другой — вреден. Полюс необходимости прокурорского контроля опирается на юридические основания; полюс вреда исходит из психологических установок, интерпретирующих контроль как не всегда обоснованное давление. Можно было бы проигнорировать эти интерпретации, однако, сам принцип процессуальной самостоятельности и независимости следователя тоже имеет двойственную природу, выступая одновременно принципом нормативным (формальное начало) и принципом этическим (психологическое начало). Освободиться от этической составляющей принцип процессуальной самостоятельности не может по сути своей.

Этот момент отражает другую сторону дуальности принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя. Эта двойственность проявляется *в наличии самостоятельности (как воли к процессуальной власти) и ограничений этой власти (как обязательных, так и ситуативных)*. Причем ограничения также должны пониматься как воля к власти контролирующего субъекта. Именно в рамках этического выражения принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя и реализуется воля к процессуальной власти. Причем речь идет и о воле прокурора, и о воле следователя.

По этой причине реализация принципа процессуальной независимости и самостоятельности следователя в общении с контролирующими инстанциями как раз и заключается в поиске «золотой середины» между этими лишь на первый взгляд взаимоисключающими полюсами.

1. Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. 36 с. [Вернуться к статье](#)